

ШАХМАТЫ ГЕОПОЛИТИКИ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ДЖО

ИНСАЙД
ИЗ БЕЛОГО
ДОМА
О БУДУЩЕМ
АМЕРИКИ

ФРАНКЛИН ФОЕР

Шахматы геополитики

Франклин Фоер

**Последний день Джо. Инсайд из
Белого дома о будущем Америки**

«Алисторус»

2024

УДК 32
ББК 66

Фоер Ф.

Последний день Джо. Инсайд из Белого дома о будущем Америки /
Ф. Фоер — «Алисторус», 2024 — (Шахматы геополитики)

ISBN 978-5-00222-505-7

Франклин Фоер подробно рассказывает о том, как правительство Байдена уже который год разбирает Америку на запчасти. Народ Америки беднеет, промышленность деградирует, армия терпит одно поражение за другим. Коррупция, кумовство, некомпетентность пропитали всю систему власти в США: от Белого дома, где должность теперь можно получить через постель или за большую взятку, до самых незначительных мест внизу управленческой иерархии. Тотальный кризис идеологии, потеря собственных ориентиров, провал всех попыток развивать страну – вот к чему привёл Америку Джо Байден. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 32

ББК 66

ISBN 978-5-00222-505-7

© Фоер Ф., 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Тёмная зима	11
День первый	12
Глава вторая. Принять вызов	18
Видения спасения	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Франклин Фоер
Последний день Джо. Инсайд из
Белого дома о будущем Америки

© Фоер Ф., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Пролог

Инаугурация – это образ в его сознании. Она состоялась там несколько десятилетий назад и чем-то напоминала зимний день, когда истеблишмент страны сгрудился вокруг него, обхватив руками паренька из Скрэнтона. Это была триумфальная сцена, но в то же время и мстительная фантазия, поскольку либеральная элита Вашингтона уже давно закатывала на него глаза – за его болтливость, за его слишком народные истории, за его вопиющую неуверенность в себе, – и он это знал.

Постоянная недооценка Джо Байдена была его дизелем. Это побудило его продолжать гнаться за этим образом на протяжении трех президентских кампаний. Он придерживался его до семидесяти лет, несмотря на то, что лишь немногие из его коллег считали его правдоподобным, – и несмотря на то, что его неспособность отказаться от своих амбиций иногда граничила с недостойным поведением.

Он верил, что судьба – слово, которым пестрят его монологи, – иногда требует, чтобы он шел к успеху уродливым путем. На каждом этапе его взрослой жизни радость шла в ногу с травмой. И когда 20 января 2022 года образ в его голове воплотился в реальность, казалось вполне уместным, что инаугурация, которой он так долго желал, так дико отклонилась от его ожиданий, и ее преследовала смерть.

В мечтах он торжественно вступает на сцену, возведенную на западном фасаде Капитолия, через двери, которые держат открытыми морские пехотинцы. Но когда этот день наступил, стекло в этих дверях было разбито. За две недели до этого правые военизированные формирования били по ним флагштоками и похищенными полицейскими щитами, стремясь не допустить его вступления в должность. С инаугурационного помоста открывался вид на ступеньки, где полицейские, пытавшиеся отбиться от наседавшей толпы, поскальзывались в лужах крови.

Вместо демократической феерии его инаугурация была окружена проволочными ограждениями и барьерами из джерси, охранялась бронетехникой и двадцатью шестью тысячами бойцов Национальной гвардии, которые прибыли в Вашингтон на мероприятие, решив не допустить повторения насилия шестого января.

Даже если бы людям разрешили пройти через контрольно-пропускные пункты, окружающие центр города, он бы не пришел. Всю зиму он укрывался дома, опасаясь, что может умереть, вдохнув частицы болезни, витающие в воздухе. Глобальная пандемия достигла своего смертоносного пика. 19 января, накануне инаугурации, число жертв COVID превысило четыреста тысяч человек. Несмотря на разработку эффективных вакцин, у правительства было мало доз, – и не было эффективного плана по их распределению. Чтобы заполнить пространство незанятого торгового центра, организаторы инаугурации вывесили на лужайке двести тысяч флагов, символизирующих отсутствующих. Байден не мог обратиться к обожающей его толпе, только к развевающимся на ветру полотнищам.

Это была не та картинка, которая была у него в голове. Это была постапокалиптическая картина – и нация, которую он унаследовал.

* * *

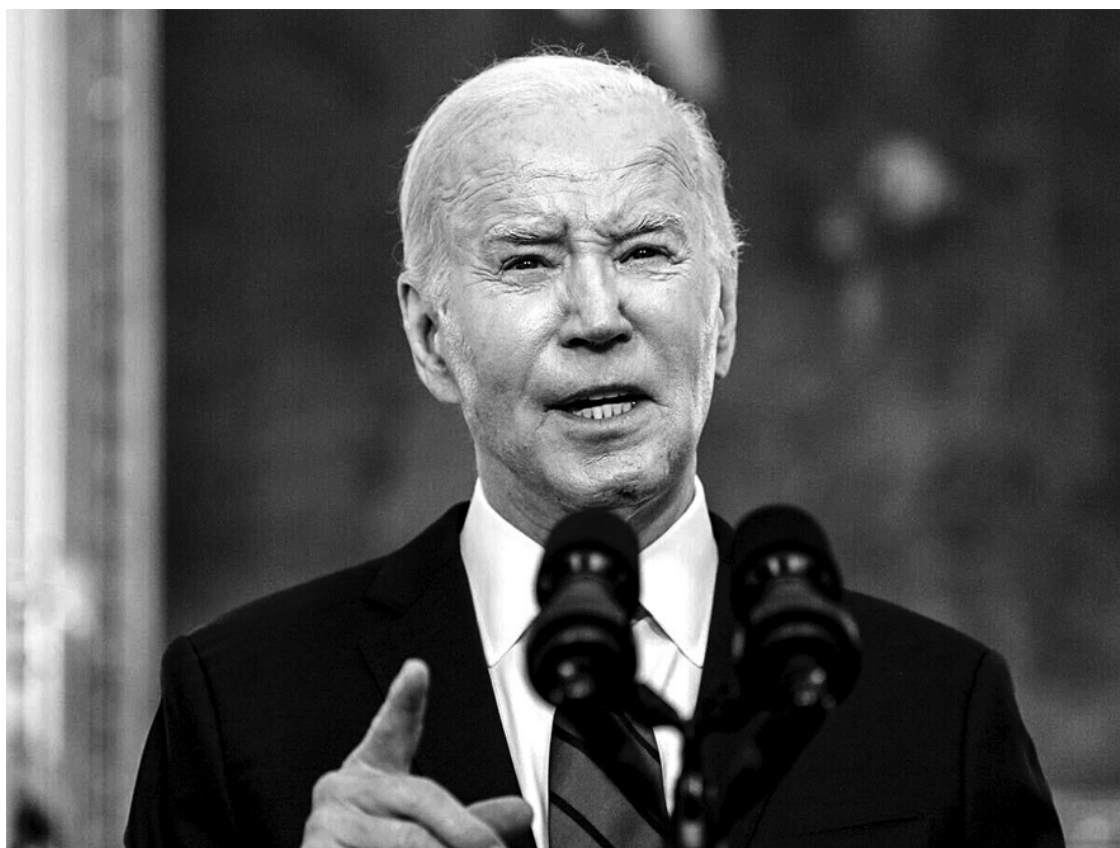
Электорат обратился к Джо Байдену как к бальзаму. Вскрытие его победы объясняет его успех тем, что избиратели надеялись, что добродушный дедушка сможет привнести спокойствие и порядочность, немного развеять скуку и придать компетентности после четырех неустойчивых, изнуряющих лет Трампа.

Но ожидания избирателей в отношении Байдена не совпали с его собственными.

Родившийся в разгар Второй мировой войны и выросший в напряженные первые дни холодной войны, он считал себя втянутым событиями в борьбу за сохранение демократии. Чтобы противостоять авторитарному врагу, ему нужно было сдерживать растущую силу Китая и отгонять реваншистские амбиции России. Он должен был наглядно продемонстрировать, что американская система не является древним пережитком, каким ее изображают соперники. Он сказал, что докажет, что демократия по-прежнему способна приносить пользу своим гражданам, что она не утратила способность совершать большие дела.

Это была гораздо более сложная и рискованная задача, чем помощь стране в преодолении ее ближайших кризисов, что было достаточно сложной работой. Но это соответствовало героической самооценке Байдена, его вере в свою способность доказать, что скептики истеблишмента ошибаются, и он велик. Он верил, что сможет спасти американскую демократию, преобразовав страну, – приняв монументальное законодательство, порвав с экономической ортодоксией, переориентировав внешнюю политику на вызовы будущего.

Для Байдена процесс и суть были взаимосвязаны. Хотя он любил хвастаться тем, что является ученым-конституционалистом, – на основании семнадцати лет, проведенных Байденем в качестве адъюнкт-профессора на юридическом факультете Университета Уиденера в Делавэре, – на самом деле в его карьере была одна основная профессия: он был политиком. Он умел считать носы, торговать лошадьми и покрывать аудиторию толстым слоем лести.

Джо Байден

За прошедшие десятилетия его профессия, никогда не пользовавшаяся настоящим уважением, сильно поредела. Нация избирала одного за другим президентов (Барак Обама, Дональд Трамп), которые позиционировали себя как антиполитики, фигуры, возникшие вне системы, без большого опыта работы в Вашингтоне и с неизменным презрением к нему. И Обама, и Трамп пришли к власти с верой в то, что они возглавляют массовые движения, неза-

висимые от политических партий. Оба по-разному извлекали выгоду и усиливали старый стон о том, что политики – это проблема, коррумпированная, невосприимчивая, лишенная необходимой смелости.

Но общество не просто отвергало профессию, оно одновременно отказывалось от целого набора практик. Политика – это средство, с помощью которого общество опосредует различия во мнениях, обеспечивая мирное сосуществование. Это этика, которая требует терпимости к конкурирующим истинам и допускает возможность социальных изменений. Это свод правил, согласно которым сторона, не одержавшая верх в процессе принятия демократических решений, признает свое поражение.

Мятеж, спровоцированный отказом Трампа признать итоги голосования 2020 года, стал самым тревожным свидетельством гибели политики. Наблюдая за таким ужасающим поведением, можно было задаться вопросом: возможно ли сотрудничать с политической партией, которая потворствует Трампу, не говоря уже о том, чтобы сосуществовать в одном обществе с людьми, которые за него голосовали?

Байден решил доказать вечную актуальность политики. По сути, это был выход из сложившейся ситуации. Он хотел показать, что заключение сделок, создание коалиций и убеждение другой стороны по-прежнему являются эффективными способами достижения цели. Но в некоторые дни его президентства казалось, что никто в стране больше не верит в его веру. Казалось, что он наивно полагается на добрую волю злонамеренных противников, что он верит в спасение институтов, не подлежащих восстановлению. Казалось, что его вера в свою профессию может обречь его на исторический провал в тот момент, когда Америка меньше всего могла позволить себе оступиться.

Но в истории Джо Байдена постоянно повторяется одна закономерность. Как только его начинают считать ушедшим временем, списывать со счетов из-за его потускневшей оторванности от жизни, он добивается величайших успехов. Он шокирует тех, кто только думает, что знает его.

* * *

Впервые я задумался об этой книге летом 2020 года, когда казалось, что Джо Байден может стать президентом. Я хотел написать хронику первых ста дней работы его администрации, когда она будет пытаться укротить пандемию и ликвидировать наследие Дональда Трампа. Но эта веха пришла и ушла. Мне с трудом удавалось ухватиться за оценку президентства Байдена, которой я доверял. Каждый раз, когда я задумывался о прекращении проекта, мне казалось, что это преждевременное завершение. Я боялся, что к моменту публикации книги ее суждения окажутся устаревшими.

Но через два года я понял, что у меня есть история и вера в свои выводы. В современном президентстве первые два года правления – это узкое окно, в котором президенты могут реализовать свои самые высокие амбиции. Почти железным правилом политики является то, что действующие президенты наказываются электоратом на первых промежуточных выборах, теряя большинство в Конгрессе и тем самым уничтожая возможности для грандиозных законодательных достижений.

В начале 2022 года казалось, что окно Джо Байдена может закрыться без особых доказательств его усилий. Несмотря на успешное внедрение вакцины и принятие масштабного законопроекта о стимулировании экономики, его грязное президентство выглядело так, будто его лучше всего запомнят по его неудачам – катастрофическому выводу войск из Афганистана, унижительному провалу его законопроекта Build Back Better и росту инфляции. Сравнения с Джимми Картером, эталоном президентства, застрявшим в канаве, казались обоснованными, если еще не полностью заслуженными.

Но затем искупление и глубокое наследие пришли неожиданно, разбросавшись по второй половине второго года его правления, когда он организовал самый плодотворный законодательный сезон за всю свою историю и сплотил мир для защиты Украины.

Во время долгого периода бездействия Байдена я опасался, что он упустил свой шанс предотвратить худшие последствия изменения климата, – и что другая возможность защитить планету представится только через много лет, когда будет уже слишком поздно. Но летом 2022 года Конгресс принял Закон о снижении инфляции – банально названный законопроект, который изменит жизнь американцев. Его инвестиции в альтернативную энергетику дадут толчок развитию отраслей, которые избавят экономику от зависимости от ископаемого топлива.

Это достижение было созвучно с новой экономикой, которую начал утверждать его президентский срок. Если предыдущее поколение президентов-демократов относилось к рынкам с почтением, не желая бросать вызов монополиям, равнодушно относясь к профсоюзам и в целом поощряя глобализацию, то Байден пошел в другом направлении. С помощью ряда законопроектов – не только инвестиций в альтернативную энергетику, но и закона CHIPS и законопроекта об инфраструктуре – он создал государство, которое будет функционировать как инвестиционный банк, тратя деньги на катализацию благоприятных отраслей для реализации своего видения, где Соединенные Штаты контролируют командные высоты в экономике будущего.

Критика геронтократии заключается в том, что когда политики становятся пожилыми гражданами, они ориентируются только на краткосрочную перспективу, потому что они будут жить только в краткосрочной перспективе. Однако Байден, самый пожилой президент в истории, настаивал на том, чтобы тратить деньги на проекты, которые могут не осуществиться при его жизни. Его теория дела – что демократия будет успешной только в том случае, если она будет приносить пользу своим гражданам, – заставляла его добиваться расходов на такие негламурные, но необходимые вещи как системы зарядки электромобилей, разрушающиеся порты и полупроводниковые заводы, которые позволят декарбонизировать экономику, трудоустроить следующее поколение рабочих и предотвратить национальный упадок.

В случае с Украиной его креативная дипломатия мобилизовала альянс и американскую общественность, которые еще недавно демонстрировали безразличие к автократии. Он убедил их принять участие в бескорыстных актах солидарности, заплатив более высокую цену за санкции против российской агрессии. Спокойно вооружив украинцев, он помог им противостоять вторжению, избежав при этом худших опасностей, связанных с ведением войны по доверенности против ядерной державы. Это было бравурное проявление государственной мудрости.

* * *

Будет правильно признать, что я начал этот проект, разделяя скептическое отношение вашингтонского истеблишмента к этому человеку. Я считал его болтуном, опасно фетишизирующим двухпартийность.

Но по мере того как я рассказывал о нем с близкого расстояния, – через несколько сотен интервью с его окружением в Белом доме, его кабинетом, его старейшими друзьями и членами Конгресса, – мое уважение к нему росло. Я оценил его способность отбросить свое эго и понять психологию иностранных лидеров, с которыми он общался, и сенаторов, которых он обхаживал. На переговорах с этими фигурами он умел быть пронизательно сдержанным, признавая тот факт, что иногда лучше не быть в центре внимания. Он заставлял себя сидеть сложа руки и позволял доверенным лицам выполнять его приказы.

Меня особенно удивила его способность воспринимать критику в краткосрочной перспективе для достижения целей, которые он считал самыми важными. В нем было терпение, рожденное опытом, о котором я даже не подозревал. Оно помогало ему добиваться величай-

ших успехов и поддерживало его в самые низкие моменты. Несмотря на фиаско с выводом войск из Афганистана, он никогда не извинялся и не перекладывал вину на своих помощников. Он упрямо принимал решение, которое запятнало его наследие.

Все это не исцелило раскол нации, хотя после двух лет президентства Байдена политологи, предсказывающие гражданскую войну, стали звучать скорее алармистски, чем пророчески. При небольшом охлаждении политического климата двухпартийные сенаторы приняли ряд законов, подтвердив инстинкты Байдена, что пошатнувшиеся институты можно привести в рабочее состояние, что в Америке все еще возможен консенсус. А на промежуточных выборах, несмотря на неспособность Байдена усмирить инфляцию, отрицатели выборов Трампа в основном потерпели неудачу в своей попытке захватить контроль над правительствами штатов. Байден не победил авторитаризм раз и навсегда, но на время отодвинул угрозу. Трудно представить, чтобы в сложившихся обстоятельствах какой-либо президент добился большего.

Прежде всего наблюдение за работой Джо Байдена заставило меня вновь проникнуться уважением к профессии, нелюбимой и в некотором роде непривлекательной, «сильной и медленной скуке твердых досок», как описал ее Макс Вебер. В конечном счете, это может быть его глубоким достижением, дающим поучительный пример утомительного благородства политического призвания. Негероический, но благородный человек, он останется в памяти как старый хакер, который мог.

Глава первая. Тёмная зима

Январь-март 2021

День первый

День инаугурации начался в 8: 30 утра по случаю, который неофициально, но нехотя ознаменовал передачу власти. Преданные Дональду Трампу люди собрались на объединенной базе Эндрюс в пригороде Мэриленда, чтобы в последний раз услышать разглагольствования своего лидера перед печатью президента и посмотреть, как он поднимается на борт самолета Air Force One, уносящего его в свой пляжный клуб во Флориде. Это была единственная инаугурация в новейшей американской истории, за исключением присяги Джеральда Форда, когда уходящий президент демонстративно отказался от участия в самой официальной церемонии.

Но при всей риторической силе, с которой Трамп бил по легитимности выборов, – при всей ярости, которую он разжег, при всем насилии, которое он вдохновил, – он ушел, устроив не больше сцен, чем обычно. «Надеюсь, это не долгосрочное прощание», – уныло сказал он. Тот факт, что он покидает Вашингтон по собственной воле, был самым близким к прямому признанию факта своего поражения.

Через несколько минут после того, как Трамп поднялся в самолет, Джо и Джилл Байден прибыли в собор Святого Матфея на мессу. Они прошли мимо своих друзей и родственников, мимо избранного вице-президента Камалы Харрис и ее мужа и заняли свое место на передней скамье, прямо за гравировкой на полу, напоминающей о месте, где покоился труп Джона Кеннеди во время его похоронной службы в этом здании.

Еще до ужаса 6 января Байден намеревался пригласить на мероприятие руководство конгресса страны. Но приглашения были направлены только после мятежа, и присутствие лидеров республиканцев Митча Макконнелла и Кевина Маккарти внезапно обрело запредельный смысл. Он предоставил своим противникам доступ к самому интимному моменту дня.

По окончании службы священник обратился к прихожанам: «Прошу избранного президента, вице-президента и руководство Конгресса остаться на своих местах». Все друзья и родственники погрузились в автобусы и отправились в Капитолий, но руководство страны ждало отдельного кортежа. В течение пятнадцати минут Митч Макконнелл, Нэнси Пелоси, Стени Хойер, Кевин Маккарти, Чак Шумер, Камала Харрис и Джо Байден общались в пустой церкви. Это был момент вежливого сосуществования, бессодержательной болтовни, надежды на то, что, возможно, Вашингтон действительно вернется к народным традициям, которые преобладали до Трампа, к чему-то, что можно назвать нормальным.

* * *

В 10: 00 утра, за два часа до официального начала работы, Рон Клейн прибыл в Западное крыло своей третьей администрации, чтобы занять пост, о котором, как знали его друзья, он давно мечтал: руководителя аппарата Белого дома.

Когда Клейну было двадцать восемь лет, в 1989 году, Джо Байден нанял его на должность главного юрисконсульта судебного комитета Сената. С тех пор он постоянно работал на Байдена. Хотя Байден с гордостью рассказывал о том, что учился в государственной школе, он гордился тем, что в его реестре есть люди из Лиги плюща, такие как Клейн. Они были его меритократическими трофеями, а Клейн – его вечным вундеркиндом, даже когда он приближался к шестидесяти. Слова лились из уст Клейна в виде абзацев. В расстроенных чувствах Байден иногда задавал вопросы, чтобы проверить своих сотрудников, оценить, насколько они разбираются в мелочах. Клейн, излучавший уверенность чемпиона школьных викторин, почти всегда знал ответ.

Байден не только восхищался Клейном, он даже мог увидеть в нем знакомые черты. Еще во времена последней демократической администрации окружение Барака Обамы недооцени-

вало Клейна, как и его босса, за отсутствие качеств, которые ценились в толпе. Они считали, что он слишком старался, что ему нужно было лучше сдерживать свою словесную виртуозность на совещаниях, что он всегда смотрел на более крупную работу.

Обама и его приверженцы исповедовали ненависть к Вашингтону, а Клейна они считали порождением этого места. Он, конечно, чувствовал себя в Белом доме вездесущим. Те, кто работали с Клейном, узнавали его по звуку походки, когда он ранним утром проходил по коридорам. Он надевал свои парадные туфли, словно сабо, с ногами, громяющими по задникам. Его мгновенные ответы на входящие сообщения электронной почты сопровождались датами, что наводило на мысль о бессоннице.

Утром 20 января Клейн, возможно, предпочел бы лично присутствовать на церемонии инаугурации человека, ради политической карьеры которого он так старался. Но он пропустил ее, застряв в здании по приказу главы администрации Трампа Марка Мидоуса.

С момента ноябрьских выборов большая часть администрации Трампа вела себя так, словно люди Байдена занимались враждебным захватом правительства. Они отказывались делиться самыми основными деталями, которые позволили бы новой администрации подготовиться к решению стоящих перед ней грандиозных задач. Надвигалась пандемия, а люди Трампа не давали доступа к государственным служащим и правительственным данным, которые могли бы дать Белому дому Байдена базовое представление о государственной программе вакцинации. Когда чиновники Байдена попросили торгового переговорщика Трампа рассказать о состоянии переговоров с Китаем, он отказался. Назначенцы Трампа в Управлении по управлению и бюджету нарушили сложившуюся поколениями практику и не позволили государственным служащим помочь членам команды Байдена подготовить бюджет, который они по закону должны были представить Конгрессу в феврале.

После всех этих мелких препятствий приглашение Медоуза встретиться выглядело как акт вежливости, от которого не стоит уклоняться.

Когда Клейн прибыл в Белый дом, он обнаружил, что тот пуст как никогда. Лишь несколько рабочих передвигали мебель. Он постучал в дверь Медоуза, затем подергал ручку. Она была заперта.

В конце концов появился помощник и попросил Клейна пройти в ситуационную комнату. Он передал ему телефон.

– Марк, где ты? – спросил Клейн.

– Вы знаете... Президент Трамп ушел поздно. Я опоздал. Просто сиди и жди.

Через полчаса Медоуз вышел в коридор, направился к Клейну и тепло поприветствовал его. Он провел Клейна в свой кабинет.

– У меня нет времени посидеть с вами, – извинился он. – Трамп подписал последнее помилование, и я должен доставить его в министерство юстиции до полудня, чтобы убедиться, что оно действительно.

На этом Медоуз велел Клейну звонить, если ему что-то понадобится, и ушел выполнять задание, более подходящее для стажера. Вся эта встреча выглядела как подходящая кода к самой бесславной передаче власти в истории Америки.

Следующие полтора часа Клейн просидел в Западном крыле. Его администрация стояла на пороге запуска одной из самых сложных государственных программ всех времен, распределяя сотни миллионов доз вакцины; ей нужно было предотвратить свободное падение экономики и восстановить правительство, которое пришло в упадок; она обещала закончить самую долгую войну в истории Америки. Но до этого оставалось девяносто минут. Все его правительственные устройства должны были быть активированы в 12: 01, поэтому человеку, который вскоре будет управлять зданием, приходилось бежать по часам, ожидая своей очереди.

* * *

Когда Байден вышел на западный фронт Капитолия сразу после одиннадцати тридцати, его взгляд остановился на Билле Клинтоне, Джордже Буше-младшем и Бараке Обаме – тех, кто занимал эту должность до него. Это были президенты, которых он знал, наблюдал вблизи. Они не были полубогами и не стояли принципиально выше его. Их присутствие успокаивало его. Позднее, рассказывая об этом помощникам, он говорил себе: «Если они смогли справиться с этой работой, то и я смогу».

На более раннем этапе своей карьеры, столкнувшись с таким важным моментом, как этот, Байден почувствовал бы тревогу, связанную с влиянием. Будучи молодым сенатором, он выступал с зажигательными речами, которые стремились к пышному лиризму Кеннеди, изобиловали словесной пиротехникой, моментами парящего красноречия. Они казались ему предметом гордости, свидетельством того, как он овладел ораторским искусством, тем самым, что когда-то его изнуряло. Желание доказать свое красноречие привело его к неприятностям в 1987 году. Стремясь выйти за пределы себя через ораторское искусство, он стал жить в чужой истории. Он непроизвольно плагиатил фразы британского политика Нила Киннока, как будто подсознательно подтверждая, что в его велеречивом стиле есть что-то неистинное.

Но, спускаясь по ступеням Капитолия, он смотрел в телесуфлер на гораздо более простые формулировки.

Прототипом президентского спичрайтера является молодой человек, мечтающий о том, чтобы его слова были увековечены в антологиях. Майк Донилон таким не был. Для начала, Донилон, обрюзгший, с неухоженными бровями, не был молодым. Как и Рон Клейн, он работал на Байдена с восьмидесятых годов. Большую часть своей карьеры Майк Донилон работал политическим консультантом – хакером, как он сам себя экономно называл. Донилон был невротически эгоистичен и занимался обыденными делами своей профессии. Он писал сценарии рекламных роликов, заказывал опросы и составлял записки. Но главным его умением было подражать своему боссу. Лишенный эго наблюдательный интроверт, он мог поместить себя в сознание Байдена и предугадать его мысли. Как однажды Байден описал Донилона: «Он понимал меня, не говоря об этом».

Когда Донилон сел за написание инаугурации, он начал делать наброски прежде, чем посоветоваться с Байденем. Главная тема была для него очевидна, потому что Байден неустанно повторял ее на протяжении всей кампании: единство. Призывы Байдена к единству часто высмеивались в Twitter как ностальгия по двухпартийности, которая царила, когда он только приехал в Вашингтон в семидесятых годах, но уже давно рассеялась. Когда Донилон писал речь для инаугурации, он стремился заострить внимание на главной теме. Это не было стремлением избавиться от разногласий, не было призывом относиться к расизму цивилизованно. Байден должен был сплотить нацию, чтобы сформировать народный фронт против общих врагов – болезни и ненависти.

Байден и Донилон почти закончили речь перед 6 января – катастрофой, которая подтвердила выбор темы. Донилон выделил время для репетиции речи со своим другом историком Джоном Мичэмом и младшей сестрой Валери, которая настойчиво требовала от него быть прямолинейным. («Не говори «гипербола», когда имеешь в виду преувеличение», – любила укорять она.) Но Байден хотел подправить проект, чтобы учесть травму. Он хотел одновременно признать непрочность американской демократии и отметить, что она только что пережила величайшее испытание современности, о чем свидетельствует сам факт проведения церемонии инаугурации: «Итак, сейчас, на этой освященной земле, где всего несколько дней назад насилие пыталось потрясти самое основание Капитолия, мы собрались вместе как единая нация,

под Богом, неделимая, чтобы осуществить мирную передачу власти, как мы делали это на протяжении более чем двух столетий».

Когда Байден объяснял свою концепцию единства, в его аргументации непреднамеренно присутствовал элемент автобиографии. Политик со стажем, он неявно приводил доводы в пользу политики как наилучшего механизма, позволяющего избежать смертельного раскола. Здесь успех зависит от способности убеждать, а не побеждать или наказывать несогласных. Он не столько жаждал, чтобы страна снова стала целой, сколько умолял ее избегать соблазнов насилия. «Разногласия не должны приводить к разъединению», – говорил он.

Тот факт, что он высказал предположение о правдоподобности воссоединения, – то же самое слово, которое Линкольн использовал для предупреждения о гражданской войне, – свидетельствует о масштабах задачи.

* * *

Все, что касалось прибытия в День инаугурации, – в разгар пандемии, в период после прихода Трампа, – требовало необычной организации. Эта работа выпала на долю Джен О’Мэлли Диллон, менеджера предвыборной кампании, которая теперь должна была стать заместителем главы аппарата Белого дома. Там, где Трамп и его администрация заразили Западное крыло болезнью, Байден поручил О’Мэлли Диллон разработать протоколы, которые бы смоделировали, как ответственно управлять рабочим местом.

О’Мэлли Диллон никогда раньше не работала в этом здании. Но она изучала архитектурные схемы, чтобы понять, как сотрудники могут перемещаться по нему в социально отстраненной манере. Была еще одна причина, помимо упорного отказа от ношения масок, по которой COVID распространился по Белому дому при Трампе. Это густонаселенное здание, особенно плохо проветриваемые помещения Западного крыла. Чтобы уменьшить вероятность распространения вируса, Диллон ограничила количество персонала в здании. Часть новых сотрудников будет продолжать работать из дома.

Пришедшие на работу получили список жестких инструкций. Им было велено обедать за рабочими столами за закрытыми дверями. Конференц-залы Западного крыла не должны были использоваться. Большинство совещаний проводилось через Zoom, даже если рядом сидел коллега. Количество участников совещаний в Овальном кабинете не должно было превышать пятнадцати человек, а на диванах могли сидеть только четыре человека. Перед каждой встречей в Овальном кабинете сотрудники должны были разработать и распространить новый план рассадки.

Передача власти – это высокий идеал Конституции, а также логистическая заноза в шее. У сотрудников Белого дома было шесть часов, чтобы перевезти вещи Байденов в здание, – «перевернуть дом», – но этого времени было недостаточно, чтобы полностью распаковать вещи, учитывая хаос.

В течение нескольких недель, предшествовавших инаугурации, в переходный отдел Байдена поступали звонки от сотрудников Трампа с призывами уволить главного швейцара Белого дома, который до этого работал менеджером номеров в вашингтонском отеле Трампа. В 11:30 утра в день инаугурации советник Трампа в Белом доме сделал это. Отсутствие главного швейцара еще больше осложнило день. Когда Джо и Джилл Байден наконец прибыли в Белый дом в 15:45, впервые войдя в здание в качестве президента и первой леди, они стояли у двери. По протоколу вход должен был распахнуться, но в течение мучительно неловкой минуты супруги тупо смотрели вперед, ожидая, когда их впустят в новый дом.

* * *

Байден впервые за четыре года вошел в Овальный кабинет. На своем столе он нашел письмо, оставленное Дональдом Трампом. Прочитав его, он положил его в карман, не описывая его содержание, но отметив его удивительную любезность.

В 17:00 помощники разложили перед ним семнадцать папок, каждая из которых содержала исполнительный акт, ожидающий его подписи. Байден всегда утверждал, что испытывает брезгливость по отношению к имперскому президентству, которое так уменьшает его любимый Сенат. Во время предвыборной кампании он любил поразмышлять со своими помощниками о том, как он хотел бы восстановить баланс сил в Вашингтоне, вернуть Конгресс на его место. Он вынашивал идею еженедельных поездок на Капитолийский холм для проведения офисных часов в качестве акта президентского почтения.

Но теперь он приступил к тому, что советники называли «Днями действий» – десятидневному потоку односторонних распоряжений. По мере того как его перо скользило по листам, новый президент планомерно ликвидировал наследие старого президента, отменив запрет на поездки из некоторых мусульманских стран и приостановив строительство пограничной стены. Он вернул Соединенные Штаты в Парижское климатическое соглашение и Всемирную организацию здравоохранения.

Для борьбы с COVID Байден обязал использовать маски в межштатных поездках и на федеральной территории; он приказал своей администрации выпустить руководство по возобновлению работы закрытых школ. Для борьбы с изменением климата он подписал приказ, требующий от бюрократии учитывать последствия кризиса при принятии каждого политического решения; он отменил строительство трубопровода Keystone XL. Чтобы смягчить экономический кризис, он продлил мораторий на выселение и взыскание студенческих долгов.

Президентские историки рассуждали о том, что он может превзойти Франклина Рузвельта по количеству исполнительных действий. Подобные сравнения с Рузвельтом были не лишены смысла, но в то же время они казались странно доступными, особенно для Байдена. Несмотря на скромные ожидания комментаторов, Байден твердо верил, что сможет принять масштабные законодательные акты, которые позволят ему занять место в пантеоне великих президентов-демократов. Байден не ждал всю свою профессиональную жизнь, чтобы получить эту должность только для того, чтобы быть запасным вариантом.

* * *

В 18:58 Джен Псаки вошла в кабинет директора по коммуникациям Белого дома Кейт Бедингфилд. Употребляя весь день кофе, Псаки взорвалась энергией. Бедингфилд и Псаки впервые работали вместе в 2006 году в качестве региональных пресс-секретарей Демократического комитета по выборам в Конгресс. Они были подружками невесты на свадьбах друг друга. Теперь Бедингфилд настраивала свою уже натренированную подругу на дебютный брифинг в качестве пресс-секретаря, да еще и в прайм-тайм. Пока Бедингфилд подбадривала ее, Псаки шаркала ногами, чтобы избавиться от ипса, а затем вошла в комнату для брифингов.

По правде говоря, Псаки не особенно любила традиционные пресс-конференции, которые, по ее мнению, были застывшими и отчаянно нуждались в обновлении. Если бы сейчас были нормальные времена, она, возможно, изменила бы формат. Но когда Байден впервые заговорил с ней о работе, он сказал ей, что жаждет вернуться к тому времени, когда Белый дом был авторитетом, когда общественность воспринимала его как поставщика достоверных фактов. Чтобы возродить этику, царившую до эпохи социальных сетей, она обратилась к устаревшему формату.

Стоя на трибуне, Псаки постоянно перелистывала страницы своего самодельного брифинга, из которого торчал шлейф заметок Post-it. И все же она самозабвенно признавалась, что у нее нет под рукой ответа на этот вопрос. Она пообещала, что изучит вопрос и вернется с ответом. «Позвольте мне вернуться», – повторяла она.

Размышляя о своем первом рабочем дне, Псаки поняла, что ее предшественник, похоже, нарушил традицию. Еще со времен администрации Форда каждый пресс-секретарь Белого дома передавал своему преемнику бронжилет из парчи, бронжилет, который со временем заменялся блейзером, с запиской с советами и напутствиями, засунутой в карман. Псаки не смогла найти куртку и, по сути, так и не нашла. Если бы администрация Трампа разграбила все остальное правительство, она вполне могла бы избавиться и от этой церемониальной реликвии.

* * *

В соответствии с указаниями чиновников от здравоохранения, не было ни инаугурационных балов, ни платьев, ни смокингов, только безвкусное празднование в прайм-тайм по телевидению, которое вел Том Хэнкс на ступенях Мемориала Линкольна. Джо Байден сделал короткое появление, а затем ушел наблюдать за праздником из теплой резиденции Белого дома, в то время как Камала Харрис осталась на холодной съемочной площадке.

В каждый момент этого дня Харрис сознательно стремилась приобщиться к истории. В то утро она оделась в фиолетовый цвет в знак уважения к Ширли Чисхолм, чернокожей конгрессвумен из Бруклина, которая баллотировалась в президенты в 1972 году. (Когда Соня Сотомайор приносила клятву вице-президента, Харрис положила руку на Библию, принадлежавшую Тургуду Маршаллу. Наблюдая за фейерверком в конце дня, она осторожно встала на то место на ступенях, где Мартин Лютер Кинг-младший произнес свою речь «У меня есть мечта».)

Если Байден чувствовал себя старшеклассником, вернувшимся с летних каникул, то Харрис была полна энтузиазма. Ее энтузиазм помог ей пережить сюрреалистические моменты этого дня. После церемонии инаугурации Майк Пенс, один из немногих официальных лиц Трампа, присутствовавших на мероприятии, загнал ее в угол в Капитолии и начал засыпать обыденными вопросами: «Когда вы переедете?.. Как вы проведете вечер?» – как будто он только что не был частью администрации, которая использовала все беспрецедентные тактики, чтобы не допустить наступления этого дня. Харрис улыбался во время этого разговора.

При обычной передаче власти Харрис провела бы ночь в особняке вице-президента на Массачусетс-авеню. Но ремонтные работы в здании не позволили ей въехать туда. Вместо этого она вернулась в свою квартиру в Вест-Энде, где проснулась тем утром. Это было странное лиминальное состояние существования, и весь день, – его обещания нормальной и спокойной жизни, функционирования демократии, как и было задумано, – казался грезой.

Глава вторая. Принять вызов

На второй день пребывания в Белом доме эмиссары старого врага сообщили, что он хочет поговорить. Враг не намекал, что именно он хочет обсудить, но помощники Байдена с таким же успехом могли бы проигнорировать его нежелательное присутствие. Для Владимира Путина было вполне в духе испортить медовый месяц.

По мнению Джейка Салливана, сорокатрехлетнего советника Байдена по национальной безопасности, этот разговор мог подождать. В рамках подготовки к президентству Салливан составил список телефонных звонков иностранным лидерам, которые Байден должен был сделать, чтобы исправить ущерб, нанесенный в годы правления Трампа, восстановить старые союзы, уделить немного внимания уязвленным дружеским отношениям в Европе. Список звонков требовал тщательного контроля, поскольку каждый из них мог занять неожиданно большой кусок расписания Байдена. Общение с иностранными лидерами было счастливым местом Байдена.

Когда Салливан сообщил Байдену о просьбе Путина, тот посоветовал не мешать Путину ждать своей очереди. Но реакция Байдена удивила его. Президент сказал ему: «Знаете, там, откуда я родом, когда вам звонит важный мировой лидер, друг или противник, если у вас нет чертовски веских причин не делать этого, вы отвечаете на звонок».

Конечно, было бы приятно оставить Путина в подвешенном состоянии, особенно после всего, что он сделал, чтобы испортить американскую демократию на последних выборах. Но звонок, утверждал Байден, – это возможность. Были все шансы, что Путин попытается устроить новый хаос, который сорвет обширные планы Байдена по переориентации американской внешней политики на стратегическую угрозу, исходящую от Китая. Если у Байдена была хоть какая-то надежда свести к минимуму опасность, которую представлял собой Путин, ему нужно было лично погладить путинское эго.

По мнению Байдена, администрация Обамы совершила ошибку, необоснованно задирая нос перед Россией. Его бывший босс называл старого соперника по холодной войне «региональной державой», действующей «из слабости». Байден не хотел совершать подобную ошибку. Он считал, что Путин реагирует как на демонстрацию силы, так и на знаки уважения. Хотя трудно сочетать оба эти понятия в одном действии, Байден сказал Салливану, что намерен потакать чувству собственной значимости Путина, ответив на звонок, и в то же время использовать его для строгого предупреждения.

* * *

Четыре дня спустя Байдену довелось общаться с российским лидером. Он начал с дела, имеющего экзистенциальное значение. Менее чем через две недели истекал срок действия договора о контроле над вооружениями, нового Договора СНВ. Байден сказал Путину, что он не хочет, чтобы это произошло. Какими бы ни были их разногласия, им необходимо уберечь планету от старой угрозы ядерного Армагеддона.

Разобравшись с легкой частью разговора, Байден перешел к источникам напряженности. – Я хочу быть с вами откровенным, – сказал он ему.

В последние месяцы правления Трампа Россия якобы совершила ряд гнусных проступков. В результате взлома SolarWinds русские подсунули немного вредоносного кода в повсеместно распространенное обновление программного обеспечения, что позволило их спецслужбам получить доступ к серверам тысяч американских корпораций и правительственных учреждений: отравление диссидента Алексея Навального в августе и затянувшееся дело о вме-

шательстве в выборы, а также сообщения о том, что русские назначили вознаграждение за головы американских солдат в Афганистане.

Байден сказал Путину, что он не будет показывать пальцем, по крайней мере, пока. Разведывательное сообщество изучит обвинения в адрес России. Через месяц Байден получит отчет. Если доказательства против России окажутся убедительными, то наказание последует.

На взгляд Салливана, Путин, казалось, был ошеломлен таким резким тоном. Вместо того чтобы ответить на обвинения, российский президент, как ни странно, принял их как факт. Путин закончил разговор вежливым «спасибо». Но трудно сказать, как он воспринял этот разговор, поскольку неясно, чего он вообще надеялся добиться, назначая его. Постоянно возникало ощущение, что Путин подкалывает и подталкивает, ищет слабое место, которое он мог бы использовать в интересах какого-то скрытого от посторонних глаз зловещего плана, гамбиты, который все изменит. Никакие знаки уважения не смогут этого предотвратить.

Видения спасения

Нэнси Пелоси наблюдала, как новый президент встал и принес гостям стаканы с водой. Конечно, гостями были председатели комитетов Конгресса, которые нужны были Байдену для проведения его первого масштабного законопроекта. Но, с другой стороны, он был главнокомандующим, а они сидели в Овальном кабинете. Просто расслабьтесь, подумала Пелоси. Но сын продавца автомобилей вошел в режим, который ему явно нравился. Не было такого понятия как «слишком толстый». Он сказал своим гостям: «Это ваш дом».

Когда он был вице-президентом, члены Конгресса любили втихомолку поносить Барака Обаму как замкнутого интроверта, который не играет с ними в гольф и не приглашает их посмотреть Суперкубок. Джо Манчин однажды поделился этой жалобой с Байденем. Обама только что позвонил сенатору от Западной Вирджинии, чтобы похвалить его за разработку законопроекта о контроле над оружием. Манчин признался, что это было его первое общение с президентом. Байден заверил его: «Очередь длинная».

Наконец Джо Байдену, ирландскому рассказчику, представился шанс сделать это своим, использовать величие Овального кабинета, чтобы создать для себя преимущество домашней площадки. Он попросил своего друга, историка и спичрайтера Джона Мичема (Jon Meacham), организовать Овальный кабинет так, чтобы он мог использовать его как сцену для рассказов.

В углу комнаты Мичем разместил портреты Александра Гамильтона и Томаса Джефферсона, чтобы Байден мог указать на них и сказать: «Если вы думаете, что сейчас у нас глубокие разногласия, вам следовало бы посмотреть, какой была политика в их время». Он поставил бюст Бобби Кеннеди рядом с Мартином Лютером Кингом-младшим, чтобы Байден мог возразить: «Видите, Кеннеди приказал прослушивать Кинга, но в итоге он стал защитником движения за гражданские права». Человеку свойственно расти.

Портрет, которому Байден отводил почетное место, – это массивная картина Франклина Рузвельта, написанная маслом на холсте, которая висела над камином, и которую он любил с гордостью показывать гостям. Когда он это делал, он действительно рассказывал историю о себе, о том, кем он мечтал стать.

* * *

Экономические условия в конце января 2021 года были объективно ужасными, но вряд ли сродни депрессии, которую унаследовал Рузвельт. Когда Рузвельт стал президентом, правительство не приняло достаточных мер для предотвращения экономической катастрофы. К моменту вступления Джо Байдена в должность Конгресс уже принял множество законопроектов по борьбе с ковидом, ставших одними из самых дорогих в истории. Он потратил почти 4 триллиона долларов на поддержку экономики, которая прекратила свое существование в марте 2020 года.

Спустя чуть больше недели после коллективного прекращения работы, начавшегося на второй неделе марта, газета The New York Times опубликовала на своей первой странице график, отражающий экономические последствия. На ней была изображена линия, стремительно летящая вверх по всей длине газеты: она иллюстрировала рост числа заявок на пособие по безработице. Около двадцати миллионов американцев внезапно потеряли работу.

Как только все государственные деньги начали циркулировать в экономике, а страна начала приходить в себя после первоначального ужаса, вызванного пандемией, предприятия начали нанимать сотрудников. Рецессию в ковиде вряд ли можно считать таковой, поскольку технически она длилась всего два месяца.

Рост числа рабочих мест продолжался примерно до того момента, когда Джо Байден стал президентом. Проблема в том, что физическое и экономическое здоровье нации были взаимосвязаны. Понятный человеческий импульс к сохранению ритуала, к общению с родителями, братьями и сестрами в День благодарения, позволил вирусу передаваться от поколения к поколению и от семьи к семье. Но когда пандемия вошла в свою самую смертоносную фазу, Дональд Трамп уединился в своем телевизоре и отрезал себя от тех частей мира, которые не разделяли его мрачных теорий или тлеющей ярости. Обитателю Белого дома нечего было сказать о нации, которой он якобы управлял, пока она мчалась к катастрофе.

К декабрю количество смертей от COVID начало расти. За рождественскую неделю умерло 19 тысяч американцев. Резкое увеличение числа случаев заболевания ковидом затормозило восстановление экономики. Из двадцати миллионов рабочих мест, потерянных в начале пандемии, вернулись только десять миллионов, и было неясно, когда вернуться остальные.

Масштабы человеческих страданий были запечатлены в полицейских сводках. В начале декабря газета The Washington Post сообщила, что по всей стране участились случаи воровства в магазинах. С полок магазинов похищались подгузники, детские смеси и сухие макароны. Продовольственным банкам не хватало средств, поскольку они постоянно опустошались из-за постоянного спроса.

Когда главный экономический советник Байдена Брайан Диз в первый день своей работы в начале декабря ознакомил Байдена с обескураживающим отчетом по занятости, он сказал ему, что, возможно, предприятия снова начнут массово сокращать работников. Он сказал избранному президенту, что существует вероятность экономического краха: «Дно просто может провалиться».

* * *

Главным объектом сравнения для Байдена был не Рузвельт, а Обама. К концу их президентства Байден настолько совпадал со своим боссом, что у пары появилось то, что журналист Джонатан Альтер назвал «секретным кодом». Когда Обама на встречах откидывал спинку стула, Байден воспринимал это как сигнал задать провокационные вопросы, на которые Обама хотел получить ответы, но не хотел поднимать их сам, опасаясь сменить тон встречи.

Но Байдену также не давали покоя ограничения, связанные с его работой, и если Обама иногда закатывал на него глаза, то он в ответ закатывал свои. В их колкостях был оттенок классового соперничества. Кукурузник с обеденного стола и эстетствующий профессор культурно терзали друг друга. Байден сказал другу, что Обама не знает, как правильно сказать «fuck you», с правильным удлинением гласных и необходимой твердостью согласных; именно так они должны ругаться в башне из слоновой кости.

Теперь Байдену предстояло пережить президентство Обамы, но в роли босса. Как и Обаме, ему нужно было принять масштабные меры экономического стимулирования после вступления в должность. Во время переходного периода команда Байдена поручила эксперту по имени Дэвид Камин подготовить устную сводку масштабных законопроектов Обамы о стимулировании экономики, Закона о восстановлении, чтобы усвоить все полезные уроки.

Со временем Байден начал сожалеть о неадекватности Закона о восстановлении, хотя и говорил об этом лишь вскользь. Он хотел бы, чтобы Обама прислушался к мнению экономических консультантов, которые говорили ему, что кризис требует стимулирования в размере около 1,7 триллиона долларов, если администрация надеется восстановить все рабочие места, которые испарились во время рецессии. Но вместо того, чтобы предложить адекватное проблеме решение, Обама вел переговоры с самим собой. Беспокоясь о том, что Конгресс никогда не примет столь масштабный законопроект, он согласился с помощниками, призывавшими его

к меньшим масштабам. В итоге на Закон о восстановлении было потрачено 787 миллиардов долларов.

Недостатки законопроекта преследовали Байдена. Он часто говорил о пагубных последствиях безработицы, которые испытал на себе, когда его собственный отец потерял работу, и социально-экономический статус семьи понизился. Это было очень близко к его главному философскому постулату: работа наполняет жизнь смыслом, является основой самоощущения и источником достоинства.

На этот раз Байден сказал Дису, что собирается действовать с размахом. Если Обама ошибся в сторону недостаточной реакции, то Байден собирался ошибиться в сторону чрезмерной реакции. Он хотел как можно быстрее восстановить как можно больше рабочих мест, чтобы продвинуться в направлении полной занятости.

* * *

Законодательная стратегия президентства Байдена была определена в середине декабря, когда будущая администрация не знала самого элементарного факта о своем грядущем. Она не была уверена, что демократы будут контролировать Сенат. Большинство казалось маловероятным, так как контроль над этим органом зависел от результатов двух повторных выборов в Грузии, которые состоялись одновременно 5 января. Учитывая остроту кризиса, помощники Байдена не могли позволить себе ждать результатов. Гораздо безопаснее было предположить, что республиканцы останутся у руля, что филибастер останется главным препятствием, – и что Байдену понадобятся одиннадцать их голосов для принятия его пакета мер.

Из своего дома в пригороде Мэриленда Анита Данн практически представила ему наброски плана. В истории кампании 2020 года именно Данн спасла операцию от катастрофы. После унижительного финиша Байдена на четвертом месте в Айове и падения на пятое место в Нью-Гэмпшире Байден попросил ее перестроить его работу, дать ему организацию и стратегию, которые могли бы его реанимировать, хотя это и маловероятно. Резкий поворот в судьбе кампании обеспечил ей особое место в маленькой вселенной Байдена, и она стала связующим звеном почти во всем.

То, что Данн представила Байдену, было единодушным мнением его окружения. Она изложила, как Байден мог бы смело втиснуть свои самые большие планы в один мегазаконопроект. Его соратники предлагали потратить примерно 1,3 триллиона долларов на борьбу с пандемией и ее экономическими последствиями, выделить деньги на страхование безработных и распределение вакцин, помочь истощенным штатам и местным органам власти, а также разослать чеки на 1400 долларов в большую часть страны. Вдобавок ко всему они хотели, чтобы Байден одновременно включил еще 1,1 триллиона долларов в расходы на восстановление инфраструктуры, стимулирование «зеленой» энергетики и субсидирование ухода за детьми. Одним махом, одним законодательным актом администрация добивалась как масштабного стимулирования экономики, так и реализации значительной части внутренней программы Байдена.

Рахм Эмануэль, занимавший пост главы администрации Барака Обамы, сказал: «Президентство – это как новый автомобиль. Он начинает обесцениваться с того момента, как вы выезжаете на нем со стоянки». Это подытожило общее мнение внутреннего круга. Хотя отправка прямых чеков нуждающимся семьям была необходима, это не было постоянным достижением. И это не было основой для победы на выборах. Люди потратят свои чеки, возможно, испытают чувство благодарности, а затем продолжат жить дальше. Если и был шанс принять монументальный законопроект о расходах, то он должен был включать в себя долгосрочные инвестиции, которые Байден предлагал во время предвыборной кампании.

Помощники готовились к тому, что Байден может негативно отреагировать на цифру в 2,4 триллиона долларов, которую они приложили к законопроекту. Но к тому времени, как Данн добралась до третьего слайда в своей колоде, Байдену уже было достаточно.

– Я не хочу быть мертвым по прибытии, – фыркнул он.

Размер этого пакета, по его прогнозам, заставит республиканцев, даже тех, кого он считал друзьями, вскинуть руки и наотрез отказаться от его уговоров. «Это слишком много для людей».

Все в Zoom знали, что Байдену не удастся отступить от своих убеждений относительно законодательной стратегии, поскольку он считает себя лучшим тактиком. Он был единственным в комнате, кто был протезе Майка Мэнсфилда и Хьюберта Хамфри.

– Я победил, потому что обещал победить вирус, – сказал он. Это, и только это было его главной задачей.

Когда он говорил об институте Конгресса, это звучало так, словно он описывал человеческое существо с чувствами и темпераментом, вещь, которую нужно уважать и любить. Его можно было подвести к более важным вещам, шаг за шагом, в нужное время и в нужном порядке. После принятия пакета COVID он быстро принимал законопроекты о масштабных инвестициях, которые выполняли его обещание «строить лучше». Первые месяцы его президентства, по его словам, должны были проходить в два этапа: «помощь» и «восстановление». Он будет выхаживать нацию, возвращая ей здоровье, а затем приступит к ее преобразованию. Поскольку Байден предпочитал простые декларативные названия, Данн назвал первый законодательный акт «Планом спасения Америки».

Некоторые важные решения, такие как выбор вице-президента, парализовали Байдена нерешительностью и затянулись до установленных им самим сроков. Другие он принимал в мгновение ока. На Zoom он нарушил детальные планы своих сотрудников и быстро принял самое важное стратегическое решение за все время своего пока еще не президентства.

* * *

Затем, 5 января, контуры президентства изменились. Оба кандидата от демократов в Джорджии – Джон Оссофф и преподобный Рафаэль Уорнок – одержали победу, обеспечив партии сорок девятого и пятидесятого сенаторов. Незначительное большинство – это все равно большинство, и это все изменило. Внезапно судьба первого законодательного предложения Байдена больше не зависела от прихотей небольшой группы республиканцев, которые могли пойти на сделку, а могли и не пойти.

Два дня спустя Чак Шумер простаивал в своем городском автомобиле на боковой улице в Квинсе. Он должен был сидеть в колумбийском ресторане, расположенном через квартал, пить кофе и болтать. Вместо этого он застрял на заднем сиденье в ожидании.

Шумер только что пережил одну из самых диких превратностей в американской политической истории. Он проснулся 6 января в качестве маловероятного лидера большинства. Тем же днем он едва избежал столкновения с восставшей толпой: это удалось благодаря тому, что один из сотрудников его службы безопасности схватил его за воротник и развернул, чтобы он побежал в другую сторону. Шумер пересказывал этот момент практически всем, с кем сталкивался после него. И хотя они могли скептически выслушать его рассказ, учитывая его репутацию любителя мелодрам, видеосвидетельства наглядно подтвердили его версию событий.

Какими бы ни были затянувшиеся травмы, он быстро вернулся к комфортной политической деятельности. Несмотря на то что выборы в Джорджии наделили его титулом лидера большинства, он продолжал ходить на провинциальные встречи во внешних районах. В ресторане за столиком сидела недавно избранный член Ассамблеи штата, ожидая его скорого при-

хода. Но ему нужно было остаться в тихом месте для первого разговора с избранным президентом после бунта в Капитолии.

Когда телефон наконец зазвонил, Байден сказал ему: «Сердце мое с вами». Поскольку было уже поздно, ни один из мужчин не хотел задерживаться на ужасах совсем недавнего прошлого, даже если события того дня значительно усложнили их работу. Медовый месяц Джо Байдена и дебют Чака Шумера в качестве лидера теперь будут заняты рассмотрением статей импичмента, заявленных против Дональда Трампа за его роль в подстрекательстве к беспорядкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.